

Император усмехнулся его словам и покачал головой: «Ты действительно так им увлечен. Но то, что Хэ Ланьхэн заключен в тюрьму, — это целиком вина Сяо Юэр».

«Сяо Юэр?» — удивленно спросил Ли Аньлэ. — «Третья сестра? Ей всего девять лет, как она оказалась замешана в делах заложников?»

«Да, это она», — сказал император, в его голосе звучала беспомощная нежность, когда он упомянул свою младшую дочь. «Хэ Ланьхэн так красив, а несколько дней назад Сяо Юэр увидела его на дворцовом банкете. Она настаивала, чтобы он стал её мужем. Но мальчик упрям и категорически отказался, сказав, что он заложник с северной границы и не смеет иметь здесь привязанности».

«Как Сяо Юэр могла смириться с такой несправедливостью?» Император покачал головой. «Она тут же закатила истерику и приказала отвести его в королевские охотничьи угодья. Как ты знаешь, в королевские охотничьи угодья заложники не могут свободно заходить. Императорский клановый суд арестовал его в соответствии с законом и заключил в тюрьму».

Ли Аньлэ усмехнулся и откинулся на спинку стула: «Эта девочка, ей всего девять лет, а она уже смеет выбирать себе мужа? У неё довольно острый ум».

Император рассмеялся в ответ: «Просто ребёнок играет. Если ты действительно хочешь заполучить Хэ Ланьлиня, возьми его себе».

Но император задумался, сказав: «Однако правила должны соблюдаться. Поскольку Северная граница прислала двух заложников, один из них должен остаться во дворце. Это было согласовано с ваном Северной границы, и нарушать это соглашение нельзя».

Ли Аньлэ уже принял решение: «Что тут сложного?» Он поднял взгляд на императора: «Тогда отдайте мне его старшего брата, Хэ Ланьлиня. Оставьте его младшего брата, Хэ Ланьхэна, во дворце, а императорский суд пусть ослабит свою опеку и о нем хорошо позаботятся».

Ли Аньлэ сделал паузу, а затем добавил: «В любом случае, Хэ Ланьлинь уже признал меня и останется рядом, чтобы служить мне. Это ничем не отличается от того, как если бы он был заложником во дворце. Наличие здесь младшего брата, наоборот, сделает его более послушным».

Император, увидев хитрость в его глазах, точно знал, о чем тот думает. Этот юноша хотел заполучить того человека, но не хотел нарушать правила и сеять сплетни среди придворных.

Он махнул рукой, сказав снисходительным тоном: «Хорошо, как скажешь. Ли Децюань, иди в Императорский клановый двор, чтобы вручить указ, освободить Хэ Ланьхэна и перевести его в боковой двор для надлежащего ухода; также скажи Хэ Ланьлиню, что отныне он будет следовать за хоу Анле».

Ли Децюань поспешно поклонился и удалился.

Ли Аньлэ удовлетворенно улыбнулся: «Мой дядя по-прежнему любит меня больше всех».

Император сердито посмотрел на него, но затем смягчил тон: «Не надо мне этого говорить. Внимательно следи за ним, когда заберешь. Не позволяй ему создавать проблемы в Чаньане и не говори своей бабушке по материнской линии, что ты снова привёл к себе какого-то постороннего мужчину».

«Хорошо», — ответил Ли Аньле, уже планируя, как дисциплинировать «волчонка», который только что узнал в нем своего хозяина, когда они вернутся.

Убедившись, что дело улажено, Ли Аньле встал с мягкого дивана и сказал: «Дядя занят, поэтому я ухожу».

Император взглянул на него, в его голосе слышалась беспомощность: «Ты прибегаешь только тогда, когда я тебе нужен, а получив, хочешь скрыться. Ты вообще уважаешь своего дядю?»

Ли Аньле льстиво улыбнулся: «Как такое может быть? Я просто подумал, что мой дядя очень занят, и я не осмеливаюсь его слишком беспокоить». Несмотря на эти слова, он уже сделал два шага к дверям, явно стремясь поскорее вернуться домой.

Император махнул рукой: «Хорошо, иди. Снег ещё не прекратился, будь осторожен на дороге, не простудись».

Затем он повернулся к уже вернувшемуся Ли Дэцюаню и сказал: «Иди в кладовую и возьми шарф из меха белой лисы и серебряный меховой плащ, которые были присланы подданными из Западных регионов в прошлом месяце. Отдай их маркизу. Скажи носильщикам, чтобы они сбавили скорость по дороге, и приготовь две дополнительные грелки для рук, чтобы он не простудился».

Ли Децюань поспешно поклонился и ответил: «Этот слуга немедленно примет все необходимые меры, чтобы хоу беспрепятственно вернулся во внутренний двор».

Ли Аньлэ выслушал его и не отказался, ответив: «Спасибо за подарок, дядя». Он всегда боялся холода, а подарки, преподнесенные императором, всегда были высочайшего качества, поэтому он, естественно, не стал бы проявлять излишнюю скромность.

Ли Дэцюань быстро приказал принести шарф и плащ и лично надел их на Ли Аньле. Шарф из белого лисьего меха сделал его и без того светлое лицо еще более похожим на нефрит, а плотный, теплый плащ из серебристого меха плотно укутал его...

«Пошли». Ли Аньле поправил плащ и жестом подбородка указал на Чжии, которая ждала его у входа в зал.

Чжии давно ждала его приказа. Увидев, что он одет подобающим образом, она быстро подошла, чтобы помочь ему подняться, сказав: «Господин, пожалуйста, не торопитесь. Ступени скользкие».

Император, наблюдая, как его фигура исчезает за дворцовыми воротами, беспомощно покачал головой и наконец сказал Ли Дэцюаню: «Пришли кого-нибудь еще раз проверить боковой двор, убедись, что братья Хэ устроились как следует, и не позволяйте этому сопляку Аньле создавать никаких проблем».

Ли Децюань поспешно ответил: «Да».

Тем временем Ли Аньле шел по заснеженному двору к теплому паланкину, а Чжии, болтала рядом с ним: «Господин, посмотрите, как сильно Его Величество заботится о вас. Даже в такую холодную погоду он все еще думает о вашем здоровье. Когда мы вернемся, я приготовлю вам тарелку супа, чтобы согреться. Гарантирую, вам будет уютно и тепло».

Ли Аньле фыркнул, но на его губах тайком появилась улыбка. Вспоминая Хэ Ланьлиня,

который только что «признал» его своим господином, он почувствовал, что эта поездка во дворец не прошла даром.

Когда Ли Аньле вернулся в тёплый павильон в боковом дворике, Хэ Ланьлинь уже привёл себя в порядок. Он переоделся в белоснежный парчовый халат, который, хоть и не отличался роскошью, подчёркивал его широкие плечи и узкую талию. Однако из раны на левой руке немного сочилась кровь, что ещё больше усугубляло его бледный вид.

Он стоял в центре теплого павильона, опустив руки вдоль тела, когда увидел входящего Ли Аньле, и быстро поклонился.

Ли Аньле снял свой плащ и небрежно бросил его Чжии. Затем он сел на мягкую кушетку. Он только что вернулся из дворца и выглядел немного уставшим. Он свернулся калачиком на подушках, похожий на избалованного ребенка, и от него исходила аура благородства.

«Всё улажено. Твой брат сможет покинуть тюрьму Императорского клана в течение нескольких дней и остановиться в боковом дворике дворца. Он не будет голодать».

Хэ Ланьлин внезапно поднял голову, в его глазах мелькнул огонек, и он тихо произнес: «Спасибо, господин».

«Не нужно благодарить», — Ли Аньле слегка приподнял веки. «Но мне нужно кое-что прояснить. Твой брат останется, но ты должен вернуться со мной в особняк Аньле. С этого момента ты будешь работать на меня, и твоя жизнь и здоровье будут под моим контролем».

Хэ Ланьлин понимал, что угодить всем одновременно невозможно, поэтому просто ответил низким голосом: «Как повелеваете, господин».

В этот момент вошла Чжии, неся миску с ещё дымящимся имбирным супом: «Господин, это свежеприготовленный имбирный суп. Пожалуйста, выпейте его, пока он горячий, чтобы не простудиться».

Ли Аньле взглянул на миску с супом, затем на Хэ Ланьлиня и вдруг рассмеялся, в его глазах заиграл озорной блеск: «Поставь туда». Он указал на Хэ Ланьлиня: «Я хочу, чтобы он меня покормил».

Чжии была ошеломлена и не осмелилась ничего сказать. Она поставила имбирный суп на маленький столик и отошла в угол.

Хэ Ланьлинь на мгновение замешкался, затем шагнул вперед и взял миску.

Край был очень горячим, поэтому он осторожно подул на него, зачерпнул ложкой напиток и поднес к губам Ли Аньле.

Движения Хэ Ланьлиня были неуклюжими, суп плескался, и несколько капель попали на парчовое одеяние Ли Аньле.

«Тск», — Ли Аньле нахмурился.

Миска с имбирным супом опрокинулась с громким стуком, когда он поднял руку, обжигаяще горячий суп разбрызгался на Хэ Ланьлиня, стекая по его белоснежной парчовой одежде и попадая на левую руку, где ему перевязывали рану.

Хэ Ланьлинь испытывал такую сильную боль, что на его лбу мгновенно выступил холодный пот, но он стиснул зубы и молчал.

«Ты, собачий слуга!» Голос Ли Аньле внезапно стал холодным, вся прежняя кокетливость исчезла, осталась лишь отвращение. «Ты даже супом толком покормить не можешь? А вдруг обожжешь меня?»

Ли Аньле пнул небольшой столик рядом с кроватью. «Ты совершенно бесполезен. Какой смысл держать тебя рядом?!»

Хэ Ланьлин опустил голову, суп стекал по его воротнику, а раны горели от боли.

«Этот слуга некомпетентен, пожалуйста, накажите меня, Ваше Высочество». Голос Хэ Ланьлиня был лишен эмоций.

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Вскоре после этого запястье Хэ Ланьлин внезапно слегка ущипнули.

Хэ Ланьлинь замерла, а подняв глаза, встретила взглядом с Ли Аньле. Легкое отвращение, которое тот испытывал ранее, исчезло, сменившись неопишуемой нежностью.

Кончики пальцев Ли Аньле были светлыми и тонкими, и он нежно, почти ласково поглаживал тыльную сторону ладони, влажную от супа.

«Как я могу тебя наказать?» — голос Ли Аньле смягчился, последний слог прозвучал с оттенком кокетства. — «Как я могу это вынести?»

Он слегка наклонился вперед, его нос почти коснулся шеи Хэ Ланьлина. Тепло его дыхания вызвало у того мурашки по коже. «Ты только что обжегся?»

Кончики пальцев Ли Аньле скользнули к его руке, и сквозь промокшую ткань он осторожно коснулся кровотока раны. Увидев, как пленник вздрогнул, он тихонько усмехнулся: «Посмотри, в каком ты жалком состоянии».

В смехе исчезла прежняя враждебность, сменившись детским озорством, словно кто-то, достаточно поддразнив птицу в клетке, вдруг вспомнил дать ей лакомство.

«Спустись вниз и переоденься, прежде чем возвращаться. Переоденься во что-нибудь чистое». Ли Аньле отпустил его руку, откинулся на мягкую кушетку и вернулся к своему ленивому положению, как будто это не он только что опрокинул тарелку с супом и резко отругал его.

Тепло кончиков пальцев другого человека все еще ощущалось на запястье Хэ Ланьлиня, смешиваясь с обжигающим бульоном на его теле и болью от ран, создавая неопишуемо странное чувство.

Он смотрел на светлое лицо Ли Аньле, в котором явно читалось очарование и невинность, но невозможно было предсказать, будет ли у нее в следующую секунду солнечно или дождливо.